

КОНФЛИКТОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

КОНФЛИКТОГЕННОСТЬ ЮЖНОГО КАВКАЗА: ПРИЧИНЫ «ПЯТИДНЕВНОЙ ВОЙНЫ»

А.П. Попхадзе

Кафедра национальных и федеративных отношений
Российская академия государственной службы при Президенте РФ
Проспект Вернадского, 84, Москва, Россия, 119606

В статье рассматривается сущность современных межгосударственных конфликтов на примере ситуации на Южном Кавказе. Анализируются причины, повлекшие за собой эскалацию грузино-абхазского и грузино-юго-осетинского конфликтов и предлагается оценка действий сторон в фазе, предшествующей военным действиям.

Ключевые слова: политический конфликт, Южный Кавказ, «пятидневная война», Россия, Грузия, Южная Осетия.

Кавказский регион признается одним из наиболее конфликтогенных районов на территории Европы.

Российская — северная — часть Кавказа не раз давала повод для подтверждения подобного мнения. Об этом говорят и военные противостояния чеченских сепаратистов и федерального центра, и перманентные волнения в Дагестане, и непрекращающиеся террористические акты в Ингушетии. Не самыми спокойными регионами России являются и некоторые другие северо-кавказские республики, такие, например, как Карачаево-Черкесия и Кабардино-Балкария.

Конфликт как способ взаимодействия Российского государства и народов Кавказа имеет давнюю историю. Характер его протекания, чередования латентных и актуализированных состояний неравномерен и зависит, в целом, от фаз социальных циклов в России. Современная Россия, как видится, не исключает возможности применения политики, опирающейся на прежний опыт страны, и при контактах с суверенными государствами Южного Кавказа.

Южный Кавказ разделен между Азербайджаном, Арменией и Грузией, а также частично признанными Абхазией и Южной Осетией. Эта часть Кавказа также несвободна от конфликтов, которые имеют вид этнополитических. Таковы конфликты Армении и Азербайджана, а также многолетние противостояния Грузии с Абхазией и Южной Осетией.

Этнополитические конфликты происходят между социальными группами различных этносов, которыми движет потребность в самосохранении, защите своих ценностей и традиций, принадлежащих им территорий, языка, религии и др. Наиболее болезненны и эмоционально насыщены конфликты, возникающие в результате ущемления ценности этноса. Наиболее конфликтогенными можно признать регионы с высокой миграцией населения. Переселенцы, как правило, не учитывают социокультурных особенностей местных жителей, чем вызывают к себе негативное отношение «аборигенов».

Д. Лэйк и Д. Ротшильд вывели следующую формулу этнополитического конфликта: «Этнополитический конфликт подразумевает «конфликт, характеризующийся определенным уровнем организованного политического действия, участием общественных движений, наличием массовых беспорядков, сепаратистских выступлений и даже гражданской войны, в которых противостояние происходит по линии этнической общности» [2. Р. 5]. Исследователи полагали, что при определенных обстоятельствах происходит «политизация этничности», при которой «...наступает превращение этничности из психологического, культурного и социально-экономического фактора в политическую силу, когда целью этнических групп становится изменение или стабилизация существующих в обществе систем неравенства этнических групп» [2. Р. 6].

В последние десятилетия все большее распространение получает феномен, который называют «этническим парадоксом современности». Он заключается в том, что большинство сформированных в прошлом идеологий настаивали на том, что межэтнические противоречия должны уйти в прошлое под влиянием интернационализации экономики и культуры. Но происходит обратный процесс — нарастание противоречий и конфликтов, волна суверенизаций этнонациональных групп. Все вышесказанное относится и к региону Южного Кавказа.

После 1991 г. Южный Кавказ утвердился как один из наиболее сложных регионов на постсоветском пространстве — регионов, в которых перманентная напряженная ситуация может одновременно вылиться в вооруженный конфликт. Источником конфликтогенности на юге Кавказа видятся неразрешенные противоречия Грузии, являющейся полноправным членом мирового сообщества, и непризнанных республик Абхазии и Южной Осетии, которые после распада СССР настаивают на своей независимости. Как известно, Грузия, в свою очередь, не желая лишаться части территории государства, не только отрицала право жителей республик на выбор государственной принадлежности, но и активно, в жесткой, подчас военизированной форме, мешала подобному самоопределению абхазов и осетин.

Среди первостепенных причин непреклонности позиций грузинского высшего руководства стоит, без сомнения, назвать нежелание терять удачно расположенные земли. Так, абхазское побережье Черного моря занимает большую половину всей грузинской прибрежной территории. Южная Осетия же, находящаяся на стыке государственных границ Грузии и России, будучи под контролем Кремля, может предоставить удобный плацдарм российским войскам для теоретического (но, вероятно, рассматриваемого грузинами) удара по Тбилиси. Кроме прочего, в сово-

купности территория Южной Осетии и Абхазии занимает более пятой части всех земель, признаваемых Грузией собственной территорией.

Исконные причины конфликтогенности, присущей современному Южному Кавказу, кроются в прошлом региона, однако нельзя, на наш взгляд, отрицать и факт того, что современные геополитические тенденции вносят свой вклад в развитие конфликтов.

Причины эскалации конфликтов в 2008 г. обусловлены не только региональными, но и глобальными политическими факторами. В последние годы Южный Кавказ превратился в регион, в котором воплощаются в жизнь различные формы мирового политического соперничества, характерным примером которых является противоборство России и США. И Москва, и Вашингтон проявляют в Грузии политическую активность, однако преследуют различные интересы, что не может не оказывать негативного воздействия на попытки преодолеть противоречия. В самой Грузии эти противоречия привели к президентству М. Саакашвили, который, через активное посредничество США, взял бескомпромиссный курс на сближение с Западом, при этом основной целью его внешней политики было заявлено вступление в НАТО. Рассматривая процесс сближения Грузии и США, нельзя не отметить приверженность грузинского руководства политике, направленной на возврат Южной Осетии и Абхазии.

В этой связи, по нашему мнению, верную характеристику дал в 2007 г. руководитель Миссии ООН по наблюдению в Грузии Д. Боден: «Подобную политику не может остановить даже угроза выхода ситуации из-под контроля. Отличительными признаками новой стратегии являются, помимо всего прочего, отказ от совместно определенных механизмов урегулирования конфликта, а также недооценка важности мер по укреплению доверия. Нарастает критика в адрес международных организаций, уже долгое время отвечающих за урегулирование конфликтов, в первую очередь ООН и ОБСЕ» (См.: [1]).

Достаточно точно иллюстрирует слова Д. Бодена ситуация того времени в Южной Осетии, положение в которой после провозглашения с помощью Грузии «альтернативного» правительства, а также вследствие военных операций настолько обострилось, что возникла опасность возобновления вооруженной борьбы.

Усиление разногласий между грузинской стороной и республиками перешло из плоскости антагонизма, имеющего в своем центре расхождение взглядов по территориальным вопросам, в сферу противопоставления западных ценностей, которые олицетворяла демократическая Грузия, традиционным мотивам господства сверхдержавы, которые несла с собой Россия.

В этой связи, говоря о причинах резкой эскалации конфликта в 2008 г., нельзя пройти и мимо слов Д. Бодена, который, признавая ответственность Тбилиси в переводе противодействия республик и Грузии от фазы словесных столкновений к этапу применению силы, отмечает и косвенную вину России.

По словам Бодена, несколько предшествующих «пятидневной войне» лет негативное влияние на происходящее оказывало продолжавшееся ухудшение двусторонних отношений Тбилиси и Москвы. В этот период Россия более чем когда-

либо настаивала на сохранении статус-кво и не уступала требованиям как-то изменить форматы урегулирования или механизмы переговоров. «Подобный недостаток гибкости делает РФ причастной к ответственности за стагнацию мирного процесса. Неоднозначно воспринимается и двойственная роль России в обоих конфликтах. Она одновременно выступает как посредник, предоставляющий миротворческие силы, и как заинтересованная сторона, из рук которой, по некоторым оценкам, получили гражданство 90% населения абхазского и югоосетинского регионов, стремящихся к отделению от Грузии. Не случайно критики говорят о «ползучей аннексии» (См.: [1]).

Рассматривая причины военного противостояния России и Грузии в 2008 г., нельзя не охарактеризовать позицию непризнанных республик, которые, как и сама Грузия, юридически соглашаясь на компромиссные варианты, предлагаемые государствами, являвшимися гарантами мира в регионе — в первую очередь, Россией и Евросоюзом — фактически бойкотировали основной постулат, который признавал их неотъемлемой частью Грузии.

В этой связи логично упомянуть документ «Разделение компетенций между Сухуми и Тбилиси», согласованный в конце 2001 г. ООН и «Группой друзей Генерального секретаря ООН», который признавался в начале десятилетия прорывом в переговорах.

Этот международный акт признавал, что всем основным посредникам, включая Россию, удалось прийти к согласию относительно основы для решения ключевого вопроса — о статусе. Тем не менее, именно позиция абхазской стороны не позволила довести процесс урегулирования до конца, так как посредникам не хватило настойчивости преодолеть колебания Сухуми, чтобы сделать этот документ ядром дальнейших переговоров.

С нашей точки зрения, в рассматриваемой ситуации свою слабость проявили и институты, действующие от лица мирового сообщества и призванные избежать конфликтов, подобных произошедшему в 2008 г., в первую очередь — ООН и ОБСЕ. Свою долю ответственности за вооруженное противостояние Грузии, с одной стороны, и Южной Осетии и России, с другой, должны понести и эти организации, не сумевшие воспрепятствовать трансформации накопленных сторонами противоречий в военные действия. Это, несомненно, говорит о том, что международные акты, существующие на сегодняшний день, далеки от оптимальных, способных урегулировать как межгосударственные, так и межнациональные конфликты внутри одной страны, а международные рычаги воздействия на такие ситуации недействительны.

Таким образом, основной причиной развития разногласий внутри страны до межгосударственного военного конфликта стала, на наш взгляд, неспособность не только самих участников противостояния, но и стран-посредников, а также международных организаций найти оптимальное решение поставленного вопроса. Отметим, однако, что, как показывает международный опыт, решения, удовлетворяющего обе стороны конфликта, не существует. Тем не менее, дальнейшая локализация и консервация политических мотивов применения военной силы могла помочь избежать эскалации противостояния Грузии и Южной Осетии и Абхазии.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Lake D.A., Rothchild D.* The International Spread of Ethnic Conflict. — Princeton, NJ, USA, 1998.
- [2] *Боден Д.* Конфликты в Грузии: как быть дальше? // Россия в глобальной политике. — 2007. — № 6.

THE CONFLICTS ON SOUTHERN CAUCASUS: THE REASONS OF THE «FIVE-DAYS WAR»

A.P. Pophadze

The Department of National and Federative Relations
Russian Academy of Civil Service under the President of Russian Federation
Vernadskogo pr-t, 84, Moscow, Russia, 119606

The article analyzes the essence of the modern international conflicts on an example of the situation on Southern Caucasus. The reasons behind self escalation of the conflicts between Georgia and Abkhazia and Southern Ossetia are analyzed. The author's estimation of actions of the parties in a phase previous to military actions is also offered in the article.

Key words: political conflict, Southern Caucasus, «five days war», Russia, Georgia, Southern Ossetia.